

II. ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 94(47).035

С.Л. Кинёв

ОБРАЗ МОСКОВСКОГО УДЕЛЬНОГО КНЯЗЯ XV ВЕКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКАХ. ОПЫТ СРАВНЕНИЯ

Анализируется образ удельного князя из московской династии XV в. в отечественной историографии XVIII–XX вв. и летописании XV–XVI вв. В результате сравнения летописного и историографического образов этого правителя становится очевидным тот факт, что источники не дают оснований для выводов, присутствующих в большей части исследований, посвященных политической истории данного периода.

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь XV в., межкняжеские отношения, русское летописание XV–XVI вв., историография.

Современная историческая наука в России, когда речь идет о времени образования единого русского государства, оказывается в весьма сложном положении. Данный период и связанные с ним проблемы относятся к числу наиболее мифологизированных. Еще в 1918 г. А.Е. Пресняков указывал на то, что история Руси XIV–XV вв. «стала жертвой теоретического подхода к материалу, который обратил данные источников в ряд иллюстраций готовой, не из них выведенной схемы» [1. С. V]. Исследователь констатировал, что значительная часть материала по этой причине выпала из поля зрения историков, оказались разорванными связи между событиями, а их хронологическая последовательность нарушена. А.Е. Пресняков показывал на конкретных примерах явление, которое М.Д. Присёлков в 1940 г. обозначил как «потребительское отношение к источникам» [2]. В частности, он попытался обратить внимание на то, что большинство историков к тому моменту использовало в основном Никоновскую летопись (время создания 1520–1560-е гг.), «нарочитую переделку», по определению историка, а также зависимый от неё текст В.Н. Татищева. О последнем от себя можем добавить – и недостоверный. Упомянутые произведения лучше всего подходят для иллюстрирования заранее заготовленных схем русской истории XIV–XVI вв. И если выдающийся исследователь средневековой Руси, работавший в начале XX в., критиковал представителей так называемой государственной исторической школы, то М.Д. Присёлков также касался и проблем советской исторической науки.

Интересно, что даже в марксистский период отечественной историографии схема государственной исторической школы при изучении политической истории Руси указанного периода оказывала большее влияние на историописание, чем марксистская концепция. Ярким примером является ситуация вокруг монографии А.А. Зиминой «Витязь на распутье» [3]. Работа была издана в 1991 г., только через 11 лет после смерти автора. Приходится констатировать тот факт, что позитивизм в российской исторической науке так никогда и не возобладал, по этой причине большой пласт информации, содержащейся в источниках, по-прежнему остается невостребованным. Примеров исследований, более или менее повторяющих судьбу «Витязя на распутье», достаточно для того, чтобы обратить внимание на странности в отечественной историографии. Многие попытки изучать русскую историю упомянутого периода, предпринятые в 1990–2000-х гг., в значительной степени следуют традиции иллюстрирования заранее заданных концепций.

В наибольшей степени нежизнеспособность сохраняющихся схем видна при анализе отдельных эпизодов или деятельности исторических персонажей, особенно – второстепенных. Одной из таких показательных фигур оказался князь Иван Андреевич Можайский. Он – внук Дмитрия Донского, двоюродный брат более известных московских князей, Василия II Васильевича, прозванного историками XIX в., «Тёмным» и Дмитрия Шемяки. Мало каким героям второго плана уделялось столько же внимания, сколько его досталось

этому удельному князю. Вместе с тем можно говорить о большом количестве вопросов, вызываемых оценками, которыми были удостоены в историографии и сам правитель и его деятельность.

Прежде чем коснуться историографии вопроса, хотелось бы обозначить общую канву политической биографии князя, известную по поздним (наиболее богатым фактами и популярным среди исследователей) летописям. Правление его началось в 1432 г., когда его отец перед смертью наделил Ивана Андреевича Можайском «с волостями». Младшему брату Михаилу достались Верея и Белоозеро. Их отец выступал в качестве гаранта сохранения великокняжеской власти Василия II, которому ее передал отец в нарушение духовной грамоты (завещания) Дмитрия Ивановича (Донского) и традиций передачи великого княжения по «старейшинству». Сам Иван также был союзником великого князя Василия II Васильевича. В 1434 г. можайский князь в битве при Николиной горе бился на стороне великого князя против претендента, их родного дяди, князя Юрия Дмитриевича Звенигородского. Потерпев поражение, оба князя бежали в Тверь. Оттуда великий князь отправился в Нижний Новгород (поздние летописи приписывают ему намерение поехать в Орду за поддержкой у хана Улуг-Мухаммеда).

В это время Иван Можайский заключил договор с Юрием Звенигородским и Галицким, признав его великим князем. После смерти Юрия мы снова видим этого удельного правителя в числе союзников Василия II. В 1434–1436 гг. он участвует в борьбе великого князя с двоюродным братом (старшим сыном Юрия Дмитриевича), Василием Косым. Впоследствии можайский князь исчезает со страниц летописей на несколько лет. Впервые после ослепления Василия Юрьевича Косого он упомянут в 1442 г. В 1437 г. под г. Белевым появился хан Улуг-Мухаммед. Василий II Васильевич отправил против хана войска. Во главе московской рати стояли младшие братья Василия Косого, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный, но нет ни одного из «можайских князей» (этим титулом современники называли не только Ивана, но и его брата Михаила). В 1442 г. Иван Андреевич вновь появляется на исторической сцене в конфликтной ситуации. Годом ранее скончался, не оставив наследников, углицкий князь Дмитрий Красный. По традиции княжество мог забрать его родной брат Дмитрий Шемяка. С другой стороны, Углич можно было рассматривать как «вы-

морочное» княжество, тогда на него имел основание претендовать великий князь. В споре Дмитрия Шемяки и Василия II за этот удел Иван Андреевич поддержал первого. Великий князь вынужден был уступить.

В 1444–1445 гг. мы видим удельного можайского князя союзником Василия Васильевича. В это время русские земли переживают энергичное вторжение Улуг-Мухаммеда и его старших сыновей Махмуда и Якуба. Что интересно, при полном бездействии галицкого князя Дмитрия Шемяки. Летом 1445 г. Иван Андреевич поддержал великого князя в походе против вторгшегося в восточные земли Московского княжества Махмуда. В произошедшей битве русские князья потерпели поражение. Иван бежал, а Василий II, как известно, попал в плен. В ноябре 1445 г. великий князь вернулся в Москву. А в феврале 1446 г. против него был организован заговор, в котором участвовал и правитель Можайска. В 1447–1449 гг. он с перерывами воевал с Василием II Васильевичем, после чего заключил по инициативе последнего мир. Дальнейшие четыре года войны Иван Андреевич поддерживал выгодный великому князю нейтралитет. Но уже через год после окончания войны, в 1454 г., был изгнан им из своего княжества и обосновался на территории великого княжества Литовского. На основании перечисленных фактов исследователи в XIX–XX вв. оценили и деятельность этого удельного князя, и даже его самого как человека (по поводу чего необходимо заметить, что информацией для выводов такого рода историческая наука не располагает). Чаще всего звучали очень эмоциональные негативные оценки. Если источники отрицательного отношения к деяниям нашего героя более или менее понятны, то эмоциональность заставляет задуматься о ее истоках.

Первым из историков описал деятельность Ивана Можайского В.Н. Татищев [4]. Автор первого обобщающего труда по русской истории просто следовал основной для него Никоновской летописи. Все, что касалось можайского князя, было не более чем констатацией фактов. Исследователи, работавшие в более позднее время, уже предлагали свое видение событий. Так, Н.М. Карамзин охарактеризовал князя Ивана как легкомысленного, слабого и жестокого [5. С. 173]. Данная характеристика имеет в качестве основания факты участия удельного князя в различных конфликтах, на различных сторонах, а также участие Ивана Анд-

реевича (обманутого Дмитрием Шемякой, если верить поздним летописям) в поимке и ослеплении Василия II. Историк-рационалист, монархист по своим убеждениям, разумеется, не мог излагать события в ином ключе. Кроме того, «История государства Российского» изначально создавалась как верноподданническое по своему настроению сочинение.

Один из основателей государственной исторической школы С.М. Соловьев отбирал источники для работы и давал оценку фактам в соответствии с принятой им за основу «теорией родового быта». Значительная часть событий, связанных с Иваном Можайским, для него не представляла интереса и, соответственно, не была даже упомянута в труде, посвященном межкняжеским отношениям. Первое упоминание этого правителя связано с событиями 1445 и 1446 гг. [6. С. 454]. Иван Андреевич показан здесь как удельный князь, находящийся с великим князем в сложных отношениях и имеющий, таким образом, личные причины для участия в заговоре. Но для С.М. Соловьева все эти факты имели второстепенное значение, поскольку были лишь частным выражением борьбы государственного и родового начал. В отличие от Н.М. Карамзина он не считал можайского князя марионеткой в руках Дмитрия Шемяки. С точки зрения автора, Иван Андреевич был не только равноправным союзником галицкого князя, но и во многом повлиял на исход заговора [6. С. 461]. Изгнание этого правителя из его удела С.М. Соловьев объяснял тем, что тот дважды не оказал помощи великому князю против татар. Такая трактовка обеляет Василия II, но не подкрепляется ни летописным, ни актовым материалом.

В.О. Ключевского можайский удельный князь не интересовал, как и московские князья вообще. Даже самых заметных из них историк считал безликими персонажами, недостойными особого внимания. Помимо этого, внимание к ним для него было невозможно по причине восприятия истории как процесса, как изменения в «человеческом общежитии». Объектом исследования в данном случае мог стать только социальный институт, класс или отношения между социальными институтами, классами. Переход власти от Василия II к его дяде Юрию ничего не менял бы [7. С. 42], следовательно, судьба отдельных персонажей не имела значения. В начале XX в. к персоне Ивана Андреевича Можайского обратился А.Е. Пресняков. Исследователь подозревал князя в изменах

ради сиюминутных выгод (получение новых владений) [1. С. 400]. Данная точка зрения повлияла в дальнейшем и на советскую историографию.

Л.В. Черепнин, так же как и С.М. Соловьев, обратил внимание только на эпизод с заговором против великого князя. При этом оценка интересующего нас князя не отличается в данном случае от предыдущих. «Князь Иван Андреевич уже не в первый раз изменял Василию II. Последний весьма настороженно относился к можайскому князю. Не случайно по возвращении из татарского плена 17 ноября 1445 г. московский великий князь оформил докончание как с ним, так и с его братом, князем Михаилом Андреевичем Верейским и Белозерским» [8. С. 791]. Данный пассаж не только поддерживает устоявшуюся оценку исторического персонажа, но и указывает на одно из ее слабых мест. Великий князь, вернувшийся из плена и потерявший свой авторитет [8. С. 788], заключает договор с двумя князьями, следующими по родовому старшинству за ним и его соперником Дмитрием Шемякой. Если старший из них считается перебежчиком, то младший таковым не является. Здесь возникают два вопроса в отношении постановки проблемы, предложенной не Л.В. Черепниным, а еще историками XIX столетия. Во-первых, если со старшим договор заключен по причине недоверия к нему, то по какой причине заключен договор с младшим? Во-вторых, почему в ситуации, когда оба сына Андрея Дмитриевича в 1434 г. заключили договор со своим дядей Юрием Звенигородским после бегства Василия II, старший считается «изменником», а младший – нет? Такого рода логические несообразности являются достаточной причиной для того, чтобы обратить пристальное внимание на источники, находящиеся в распоряжении исследователей, и на то, какие из них реально используются. Далее Л.В. Черепнин упоминает договор, который в 1447 г. заключили с великим князем удельные князья Михаил Андреевич Верейско-Белозерский, Василий Ярославич Серпуховской и Боровский, а также великий рязанский князь Иван Федорович.

Данное докончание было составлено вскоре после возвращения слепого Василия II на великокняжеский стол. Следуя логике исследователя, можно было бы предположить, что это признак недоверия московского князя к контрагентам. Но известно, что белозерский князь в 1449 г. развалил союз Ивана Можайского и Дмитрия Шемяки, а Василий Ярославич, шурин великого князя, всегда

выступал только на его стороне и в 1446 г. предпочел бегство в Литву договору с Дмитрием Юрьевичем Шемякой. В завершение следует отметить, что в силу неочевидных причин Л.В. Черепнин отделил последний шаг Василия II Васильевича в отношении можайского правителя от предшествующих событий. Поход на Можайск, совершенный в 1454 г., помещен в главу, следующую за повествованием о «феодалной войне». Впрочем, и это не столько идея самого автора, сколько историографическая традиция, согласно которой окончание ее связано со смертью Дмитрия Шемяки в июле 1453 г. Особое внимание среди исследователей привлекает к себе автор, наверное, самой основательной монографии посвященной «феодалной войне» в Московском княжестве, А.А. Зимин. Созданный на широком круге исторических источников и предлагавший довольно оригинальную трактовку событий войны труд тем не менее во многом следовал стереотипам, сложившимся без малого за 200 лет. Они заметны, в частности, при описании деятельности можайского князя.

Прежде всего, обращает на себя внимание нелогичное противопоставление московского и можайского княжеств, хотя, как известно, второе было частью первого. Правитель Можайска охарактеризован как «коварный, жестокий и честолюбивый»: «Он был озабочен в первую очередь расширением территории своего небольшого княжества и усилением своего влияния на ход борьбы за великое княжение. Поэтому из распри Василия II с противником Иван Андреевич стремился извлечь для себя максимальные выгоды» [3. С. 64]. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что автор не утруждал себя аргументацией, видимо, потому, что уже сложившийся образ аргументировать не было необходимости. Показательно и то, что значительная часть «обвинений» в равной степени может касаться любого московского, и вообще русского князя. Между тем территориальные приобретения, о которых говорил А.А. Зимин, представляются достаточно эфемерными. Утверждение о передаче великим князем Суздаля от Дмитрия Шемяки Ивану Андреевичу Можайскому не подтверждено ссылкой на источник [3. С. 95]. Город действительно был к 1445 г. в руках последнего, но в этом же году его возвратили себе суздальские владетели, получившие от Дмитрия Галицкого гарантии того, что их княжество не достанется снова можайскому князю [9. № 40. С. 119]. Иван при этом сохранял союз с Шемякой. Значит, тер-

ритории – это не все, что беспокоило Ивана Андреевича в ситуации заговора против Василия II. Кроме того, по наблюдениям самого автора монографии, «князь-перелет», как назвал его А.А. Зимин, в 1444 г. воевал на восточных границах с татарами в общих интересах, оставив свой удел без защиты, в результате чего Можайск был сожжен литовцами [3. С. 102–103].

Оценивая ситуацию в историографии в целом, можно говорить об излишней эмоциональности, стереотипности и противоречивости характеристик князя Ивана Андреевича, предлагавшихся исследователями в течение почти 200 лет. В данной ситуации естественно возникает вопрос о том, какого рода информацию об этом князе предоставляют источники. При чтении летописей, прежде всего, бросается в глаза отсутствие единой точки зрения их составителей на деятельность этого удельного князя. Оценка его деятельности зависела от времени, места и целей создания источника. Летописцы создали три образа можайского правителя. Чтобы выяснить, есть ли в них известия, дающие основания для формирования негативного образа интересующего нас героя, остановимся на каждой из них.

Самое раннее по хронологии описание находим в Новгородской IV летописи, восходящей к гипотетическому Новгородско-Софийскому своду второй четверти XV в., то есть летописи, современной описываемым в ней событиям. Летописец совершенно очевидно воспринимал интересующего нас удельного князя как второстепенную политическую фигуру. В тексте ни слова не сказано об его участии в войне на стороне Василия II против Василия Юрьевича Косого в 1434 и 1435–1436 гг., хотя называет среди союзников Великого князя Дмитрия Юрьевича Красного (Меньшого), равно по статусу можайскому князю, и даже Ивана Бабу Друцкого, служилого князя, то есть находящегося, по меньшей мере, на ступеньку ниже. Коротко упоминается Иван по случаю войн с казанскими татарами в 1444–1445 гг. Причём, описывая поражение русского войска, Новгородская IV летопись говорит, что Иван Андреевич и Василий Ярославич «в малой дружине утече» [10. С. 442].

В заговоре против Василия II этот можайский удельный князь представлен летописцем-современником как равный соучастник Дмитрия Шемяки и великого князя тверского Бориса Александровича. Составитель летописи не видит причин для возмущения заговором. Напротив, он обстоя-

тельно излагает вины Василия Васильевича: «...ослепиша его про сию вину: «чему еси татар привел на русскую землю, и города дал еси им, и волости подавал еси в кормление? А татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, а злато и серебро и имение даешь татарам»» [10. С. 443]. В данном пассаже скорее одобрение современником деяния заговорщиков, чем осуждение. Летописец упоминает и непосредственную причину ослепления великого князя. Дмитрий Шемяка мстил за ослепление родного брата. В этом современники конфликта не видели вообще ничего необычного. Что касается территориальных приобретений правителя Можайска, то, как уже сказано выше, говорить о них можно с некоторыми оговорками. Договорные грамоты говорят об этих приобретениях косвенно и свидетельствуют об их временном нахождении в его руках. Договор же 1447 г., фиксирующий передачу Василием II можайскому князю Бежицкого Верха, свидетельствует и о потере удельным владельцем достаточно большой территории (Козельск, Серенеск, Людимеск, Алексин и ряд других) несколько ранее [9. № 48. С. 146–147]. По сути, речь идет об обмене пограничных с Литвой земель на земли, удаленные от границ. Великий князь не покупает верность, а скорее нейтрализует удельного правителя, лишая его возможности внешних контактов. Такие обмены территориями и великокняжеские «пожалования» «в отчину» удельным родственникам были нормой, и в этом плане Иван Андреевич Можайский предстает перед нами как обычный удельный князь. Спокойное отношение к нему летописца вполне соотносится со стандартным содержанием договоров Василия II Васильевича с можайским князем.

Второй образ нашего героя представлен летописанием конца XV–XVI вв. К числу списков данного периода можно отнести Ермолинскую [11], Львовскую [12] летописи и Сокращенные своды 1493 и 1495 гг. [13]. Здесь мы не увидим ни одного упоминания Ивана Андреевича в положительном контексте. Он появляется в 1446 г. сразу как соратник злодея Дмитрия Шемяки. Все деяния, которые могли бы трактоваться в положительном ключе, умалчиваются. Единственное отличие находим только в Ермолинской летописи, где под 1449 г. летописец говорит о примирении великого и удельного можайского князей по инициативе первого из них и при посредничестве родного брата второго [11. С. 154]. Это по меньшей мере оз-

начает, что Иван Андреевич оставил Дмитрия Шемяку без поддержки не потому, что тот стал ему бесполезен, и образ «князя-перелета» не соответствует действительности.

Третий образ, наиболее парадоксальный, представили нам летописцы Ивана III. Этот великий князь московский в детстве посидел в тюрьме, был в бегах с ближними людьми своего ослепленного отца, допустил создание положительного и, к слову сказать, самого полного образа можайского князя. Многие его действия нам известны именно из великокняжеских летописей второй половины XV века. Здесь основными будут Вологодско-Пермская [13], Никаноровская [14], Симеоновская [15] летописи и Московский летописный свод конца XV века [16]. Данные летописные списки восходят к великокняжеским сводам 1472 и 1479 гг. Образ можайского князя был исправлен, по-видимому, из конъюнктурных соображений. Дело в том, что потомки Дмитрия Шемяки и сын Ивана Можайского после поражения бежали в Литву и получили в удел Стародуб, Чернигов, Гомель, Брянск, то есть города, находившиеся у границ Руси и Литвы. Иван III, намеревавшийся отвоевать у Великого княжества Литовского западно-русские земли, стремился к союзу с беглыми московскими князьями. Союз был заключен в 1499 г. и реализован в 1500–1501 гг. В результате упомянутые города с прилегающими землями практически без военных действий вошли в состав Московского княжества. Возможно, именно это обстоятельство было причиной создания положительного образа Ивана Андреевича.

В упомянутых летописных сводах Иван впервые упоминается под 1434 г. как союзник Василия Васильевича в борьбе против дяди, звенигородского князя Юрия Дмитриевича [13. С. 190; 15. С. 174]. Удельный князь терпит с великим князем поражение и бежит в Тверь, куда была выдана за муж его сестра. Туда же первоначально бежал и сам Василий Васильевич. Вскоре Иван Андреевич заключает договор с Юрием, оставляя своего бывшего союзника. Что говорит по этому поводу летописец, работавший по заказу Ивана III? Логично, казалось бы, услышать обвинения, но такому шагу находится приемлемое для XV в. оправдание. «Господине, государь, где ни буду, а всегда есмь твой человек, но чтобы ныне отчины не потерять, да matka бы не скиталася по чужой отчине, а всегда есмь твой» – именно такое послание неудачливому великому князю

приводится в великокняжеском летописании [13. С. 190; 15, С. 174]. Ни с точки зрения летописца, ни с точки зрения сына великого князя, здесь, кажется, нет измены. По всей вероятности, в том же году Иван Можайский восстанавливает союз с Василием Васильевичем и до 1436 г. воюет против Василия Юрьевича Косого, ещё одного претендента на великокняжеский стол [13. С. 190; 15. С. 176].

В конфликте между великим князем и Дмитрием Юрьевичем Шемякой о судьбе выморочного Углича (1442 г.) Иван Андреевич принимает сторону последнего в полном соответствии с традиционными представлениями о наследовании уделов. Права Василия II на спорные земли были им проигнорированы, надо полагать, из нежелания создавать прецедент изъятия земель великим князем из владений удельных. Под 1444 г. упомянуты столкновения можайских служилых людей с «литвой». Сам князь помогал Василию II в борьбе с Улуг-Мухаммедом и его сыновьями. При описании великокняжескими летописями Суздальской битвы, завершившейся поражением русских князей, можно увидеть два интересных момента. Во-первых, именно здесь впервые говорится о том, что князь Дмитрий Шемяка «и не пришел, ни полковъ своих не прислал» [13. С. 197; 15. С. 194], в летописях середины XV в. подобной ремарки нет, летописцы не считали нужным акцентировать на этом внимание; во-вторых, если в Новгородской IV летописи утверждается, что Иван едва успел бежать, то в великокняжеских летописях видим утверждение что его «ранившее много и с коня збивше» [13. С. 198; 15, С. 194]. Таким образом, два будущих заговорщика, один из которых оправдывается, а второй – очерняется, в великокняжеских летописях явно противопоставляются друг другу. Повествуя о заговоре 1446 г., летописцы вновь как бы оправдывают можайского князя. По их версии, Дмитрий Шемяка подговорил его, используя измышления о том, что Василий Васильевич якобы желает княжить в Твери, а остальную Русь отдать сыновьям Улуг-Мухаммеда. Оправдание очень слабое, поскольку в такой слух вряд ли мог кто-то поверить. Это тем более свидетельствует о стремлении летописцев Ивана III обелить двоих из троих заговорщиков.

Даже при исполнении той части заговора, где Иван Андреевич Можайский выполнял основную функцию – поимку в Троицком монастыре великого князя, он изображён как исполнитель, по-

сланный Дмитрием Шемякой. В образе злодея (с применением данного эпитета) представлен, пришедший с можайским князем человек Дмитрия Юрьевича, боярин Никита Константинович Добрынский [13. С. 201–202; 15. С. 197–198]. Под 1449 г. упоминается примирение Ивана с Василием II Васильевичем, по просьбе первого (хотя сохранившиеся в более поздних летописях фрагменты так называемого независимого (то есть не великокняжеского) летописания свидетельствуют об инициативе именно великого московского князя) [11. С. 154]. В последний раз удельный князь, ставший объектом исследования, появляется на страницах большинства летописей в 1454 г., когда Василий II пошёл в поход на Можайск, заставив местного князя с семьёй бежать в Литву. Великокняжеские летописцы в качестве причины упоминают «неисправление» Ивана Андреевича [13. С. 213; 15. С. 208–209]. Такое объяснение чаще всего давалось в ситуациях, когда заказчик летописи бывал неправ. Следовательно, все летописи указывают на то, что в данной ситуации за можайским князем не было никакой вины. По крайней мере, по меркам этого времени.

В результате можно сделать вывод о том, что великокняжеские летописи рисуют образ Ивана Андреевича Можайского как обычного удельного князя XV в., который едва ли привлек бы к себе внимание летописцев, если бы он не оказался важной фигурой в заговоре 1446 г. (в котором, кроме него, участвовали два других князя, московское население и старцы Троицкого монастыря), а также если бы он и его сын не оказались значимыми политическими фигурами в московско-литовских отношениях 1470–1500-х гг. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о недостаточной обоснованности существующих в отечественной историографии оценок событий и персонажей, по крайней мере периода династических войн второй четверти XV в. Существующие оценки по-прежнему основаны на избирательном отношении к источникам и их выборочном использовании. Соответственно, сохраняется необходимость сдержанно относиться ко многим «общим местам» истории данного периода. Сами же эти оценки, с учетом сведений источников, очевидно, подлежат пересмотру, как и взгляд на историю Руси XV в. в целом, на что более 15 лет назад обратил внимание выдающийся исследователь русского летописания Я.С. Лурье [17].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пресняков Е.А.* Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918. VI, 458 с.
2. *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб. Дмитрий Буланин, 1996. 325 с.
3. *Зимин А.А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России XV века. М.: Наука, 1991. 286 с.
4. *Татищев В.Н.* История Российская: В 3 т. М., 2005. Т. 1.
5. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М.: Наука, 1992. Т. IV. 478 с.; 1993. Т. V. 560 с.
6. *Соловьев С.М.* История отношений между русскими князьями Рюрикава дома. М.: Университетская типография, 1847. X, 696 с.
7. *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. М., 1988. Т. 2.
8. *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства. XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и социально-политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.
9. *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей* / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1950.
10. *Полное собрание русских летописей (ПСРЛ)* Т. 4. Ч. 1. Вып. 1: Новгородская IV летопись. М., 2000. 686, 4 с.
11. *ПСРЛ*. Т. 23: Ермолинская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2004. 239 с.
12. *ПСРЛ*. Т. 20: Львовская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2005, 686 с.
13. *ПСРЛ*. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. 1959. 413 с.
14. *ПСРЛ*. Т. 27: Никаноровская летопись. Сокращенные своды конца XV века. М.: Языки славянской культуры, 2007. IX, 417, 1 с.
15. *ПСРЛ*. Т. 18: Симеоновская летопись. СПб.: Издательство М.А. Александрова. 1913. III, 316, [2] с.
16. *ПСРЛ*. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: 1949. 462, 2 с.
17. *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин. 1994. 240 с.